

REVIEW. РЕЦЕНЗИЯ

Т. К. Салбиев

*Центр скифо-аланских исследований им. В. И. Абаева,
Владикавказский научный центр РАН
Владикавказ, Россия*

**Дзиццойты Юри. *Ирон æвзагмæ тæлмац кæныны æгъдауттæ*
(лексикæйы фарстытæ). Цхинвал: Хуссар Ирыстоны
Паддзахадон университет, 2022. — 85 ф.**

Рецензия посвящена новой книге известного осетиноведа и ираниста Ю. А. Дзиццойты, которая представляет собой методические разработки к читаемому им в Юго-Осетинском государственном университете имени А. Тибилова курсу теории перевода. В качестве предисловия книга содержит краткий очерк истории переводов на осетинский язык в Южной Осетии. Основу книги составляют переводы на осетинский язык, выполненный самим автором, сопровождаемые его комментариями. Посвященная главным образом вопросам из области лексикологии, она обобщает принципы и основные закономерности литературного перевода хрестоматийных памятников поэзии русской и советской литературы, произведений на немецком и английском языках. Отдельного упоминания заслуживают переводы нескольких древнеперсидских надписей, также относимых автором к поэтическим памятникам, и предлагаемый им анализ встречающейся в них лексики, сведенный в небольшом словаре. В рецензии содержится как обзор книги, так и указания на ее сильные стороны, а также пожелания по ее дальнейшему развитию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: теория и практика перевода, принципы и закономерности, лексикология, осетинский язык, русская и советская поэзия, английская поэзия, немецкая поэзия, древнеперсидские памятники, древнеперсидский словарь.

В прошлом году в издательстве Юго-Осетинского государственного университета имени Александра Тибилова вышла в свет небольшая по своему объему и формату книга, посвященная теоретическим и практическим проблемам перевода на осетинский язык. Одного имени автора этой книги, видного осетиноведа, Юрия Альбертовича Дзиццойты, заслуженного деятеля науки Республики Южная Осетия (государство Алания), кандидата филологических наук, профессора, заведующего кафедрой осетинского

языка и общего языкознания упомянутого университета было бы достаточно, чтобы уделить ей пристальное внимание. Забегая вперед, замечу, что содержание книги вполне оправдывает самые смелые ожидания и оставляет неизгладимое впечатление. С точки зрения ее композиции следует заметить, что структура книги ясно определена самим автором, который различает в ней две основные части: первая часть — переводы русских и зарубежных поэтов, вторая часть — переводы с древнеперсидского языка. Завершает книгу древнеперсидско-осетинский словарь. Помимо четко выверенной композиции, отражающей общий замысел автора, показать широту охвата и динамику отобранных им для перевода текстов, строгий академический характер книги позволяют и постраничные сноски, в которых содержатся комментарии к тексту, а также подробные библиографические описания упоминаемых источников.

При более близком знакомстве с ней становится очевидно, что она является событием не только в области осетинской филологии, но выходит по своему значению на широкий общекультурный уровень, поднимая вопросы развития осетинского языка и проблемы языкового строительства. Более того, и сам автор книги, широта и разносторонность научных интересов которого давно хорошо известны, открывается читателю с неожиданной стороны, обнаруживая новые грани своего несомненного таланта, но теперь уже не как ученого, а еще и как поэта. Поскольку книга написана на осетинском языке, посвященная ей рецензия представляется весьма полезной, позволяя сделать всеобщим достоянием содержащиеся в ней подходы, наблюдения и практические результаты, представляющие безусловную общетеоретическую значимость.

О чем эта книга, насколько она своевременна, чем замечательна, какие перспективы дальнейшего развития теории и практики перевода на осетинский язык намечает – вот те вопросы, обсуждению которых будет посвящена настоящая рецензия.

* * *

Прежде всего замечу, что даже самые распространенные и «благополучные» языки мира, входящие в число официальных языков Организации объединенных наций (напомню, что это – русский, английский, французский, китайский, арабский, испанский) постоянно прилагают усилия для своего сохранения. Достаточно сказать, что существует федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», призванный решать вопросы, относящиеся к языковой сфере. Сошлюсь в этой связи также и на недавний закон (от 16 февраля 2023 г.), принятый государственной думой

РФ, о чистоте русского языка, предполагающий контроль за соблюдением норм русского литературного языка. Не вдаваясь в его подробности, замечу главное: он отражает озабоченность общества за судьбу своего языка, его чистоту и следование его литературной норме. Языки малых народов, с этой точки зрения, не мене уязвимы и потому также нуждаются в защите. Одним из таких средств укрепления позиций любого языка, как большого, так и малого в культурном пространстве следует признать перевод.

Переходя к разбору самой книги, в первую очередь, укажу на актуальность поднимаемой в ней проблемы перевода с точки зрения социолингвистики. Известно, что жизненная сила любого языка, иначе говоря, его vitalность, напрямую зависят от того, насколько широк охват тех областей общественной жизни (коммуникативных сфер), в которые ему открыт доступ, а также насколько богаты и разнообразны осуществляемые им функции (такие как коммуникативная, эмотивная, когнитивная, номинативная, метаязыковая, эстетическая и др.). С учетом перечисленных функций в рецензируемой книге наиболее актуальными следует считать три из них. Прежде всего, речь должна идти об эстетической, поскольку она предполагает использование языка в поэтической сфере, неразрывно связанной с представлением о прекрасном. От нее вряд ли может быть отделена функция эмотивная, то есть эмоциональная, без которой поэзия, обладая формой, лишилась бы своего эмоционально-психологического воздействия на читателя / слушателя. Далее, следует упомянуть и номинативную функцию, которая напрямую связана с лексической подсистемой языка, находящейся, согласно подзаголовку книги, в центре внимания автора. Без нее невозможны коммуникация, то есть общение, обмен информацией, и познание, то есть гносеология. Наконец, тот факт, что книга написана на осетинском языке делает необходимым упоминание метаязыковой функции, в рамках которой происходит научное описание языком самого себя, что подчеркивает общий посыл книги: показать потенции осетинского языка на достойное место в современном культурном и научном пространстве.

Нельзя не заметить и того, что уже с первой страницы становится очевидна свойственная ей высокая филологическая культура, определяющая не только ее несомненное достоинство, но доставляющая искусственному читателю непередаваемое удовольствие, снова и снова открывая свойственную ей глубину в постижении проблемы перевода и тщательность проработки даже самых мелких деталей. Общим вступлением, вводящим читателя в курс проблем, поднимаемых в книге можно по праву считать открывающий книгу краткий очерк истории переводов лучших образцов мировой литературы на осетинский язык. Обращаясь к самым истокам этой школы, история которой уже насчитывает более столетия, он

упоминает имена таких осетинских писателей, как Нигер (Иван Джанаев), Цоцко Амбалов, Бабу Зангиев, Арсен Коцоев, Нафи, Гриш, Ахсар Кодзати, Георгий Бестауты, Шамиль Джикаев, Музафер Дзасохов, Тотрадз Кокаев, которые оставили прекрасные образцы переводов прозы и поэзии, а также обсуждали теоретические проблемы художественного перевода. Известный литературовед Зинаида Тедтоева на протяжении полувека в меру своих сил и возможностей публиковала эти переводы. Общеобразовательным целям также соответствуют и краткие аннотации, предпосланные каждому из поэтов, в которых автор помимо чисто биографических сведений, также дает их общую литературоведческую характеристику и сообщает сведения, касающиеся истории переводов этих поэтов на осетинский язык.

Отдельного упоминания заслуживает историческая по своему характеру заметка о семинаре молодых переводчиков, созданном в 1977 году Югоосетинским союзом писателей. В те годы, обойдя средние школы города Цхинвала, писатели пригласили тех, кто уже писал стихи, публиковавшиеся в школьных стенных газетах. Занятия с начинающими поэтами проводили такие признанные мастера слова как Нафи, Владимир Гаглоев, Георгий Дзугаев, Хадзы-умар Алборов и др. Во время занятий шло обсуждение работ молодых авторов, их подробный анализ, так что дискуссия переходила уже в плоскость постижения высокого писательского мастерства. Автор также рассказывает о том, что обмен мнениями иногда носил чрезвычайно эмоциональный характер, перерастая в жаркие споры, что позволяет — как следует полагать — и мне высказать некоторые свои соображения относительно представленных в книге переводов. Из книги узнаем и то, что тогда же у ее автора была возможность поступить в Литературный институт имени А.М. Горького, от которой он сам отказался, согласившись с доводами своих старших коллег о том, что прежде необходимо набраться жизненного опыта. Так был сделан судьбоносный выбор, благодаря которому, сравнительно-историческое изучение осетинского языка и литературы, осетинская филология в целом, обрели в лице Юрия Альбертовича верного и глубокого исследователя, постигающего его самые сокровенные тайны. Однако, как видим, и увлечение поэзией не прошло бесследно, долгое время оставаясь в тени академических работ автора, оно явственно напомнило о себе, хотя и не в виде самостоятельного творчества, но поэтических переводов, невозможных без поэтического дара.

Одна из важнейших задач, стоявших перед автором книги и успешно им решенная, заключалась в том, чтобы показать разнообразие жанровых и стилевых возможностей современного осетинского языка, его выразительное богатство. Придерживаясь хронологического принципа, в первую очередь он обращается к Ломоносову и Сумарокову, представляющим этап

классицизма в русской литературе, связанный с эпохой Просвещения. Примечательно, что в самой русской поэзии этот этап характеризуется переводами античных поэтов, таких, например, как римский поэт Гораций. Затем следует романтический этап, представленный творчеством Лермонтова. Некрасов всем хорошо известен как поэт народно-демократического направления. Символизм представляет Бальмонт, а другие представители поэзии Серебряного века, Гумилев и Ахматова, могут быть отнесены к течению акмеизма. Есенина можно причислить к «деревенщикам», прочно привязанным к родной почве и стихии народной речи. Завершает первую часть советский поэт Щипачев с лирическими стихами. Так в предельно сокращенном и сжатом виде удастся получить некое общее, хотя и схематичное представление о становлении русской литературной традиции и ее исторической эволюции. Далее автор переходит ко второй части, в которой он дает слово зарубежным авторам, представленным блистательными именами немецкой, английской и американской поэзии: Генриха Гейне, Джорджа Байрона, Альфреда Теннисона, Джона Месфилда, Генри Лонгфелло. В сборнике также представлена и современная американская поэтесса Эдит Сегал. В завершении Ю. А. Дзицойты обращается к древнеперсидской традиции, представленной так называемыми ахеменидскими текстами, и эта часть книги носит совершенно новаторский характер, о чем подробнее будет сказано ниже.

* * *

Теперь же, переходя к обсуждению представленных в рецензируемой книге переводов, сразу замечу, что выбор произведений для перевода никогда не является случайным, но всегда обусловлен теми или иными вескими причинами. Так, например, обращение к переводу Ломоносова всем хорошо известного благодаря Пушкину стихотворения римского поэта Горация «Памятник», автор фактически ставит проблему перевода в широкой культурно-исторической ретроспективе. Действительно, с одной стороны, нельзя не заметить его расхождений с Пушкинской версией, отличающейся достаточной свободой в его интерпретации, с другой стороны, из комментариев к нему узнаем, что сам Гораций также ставил себе в заслугу перевод на латынь древнегреческой лирики эолийских поэтов (с которыми связано выражение «эолова арфа», издававшая чудесные звуки при дуновении ветра и символизировавшая гармонию природы и человека). Это стихотворение можно считать своего рода поэтическим манифестом самого автора, отражающим его жизненное кредо и формулирующим в стихотворной форме пролегомены к разработанному им учебному курсу перевода. Двустийше из

Сумарокова носит характер эпиграммы и является сатирическим по своему характеру, вскрывая социальные проблемы, которые носят вневременной характер и известны любому обществу, в том числе и сегодня. Эта же сатирическая волна подхвачена и Лермонтовым, хотя и разбавлена его замечательной любовной лирикой и философскими рассуждениями.

Приступая к разбору переведенных стихотворений, оговорюсь, что мне, как читателю, не доставало оригиналов тех поэтических и иных текстов, перевод которых содержится в ней. Подобное сопоставление само напрашивается, поскольку только оно позволяет сделать наблюдения относительно соблюдения стихотворного размера и рифмы, лексики и синтаксиса оригинала при переводе. В качестве примера сошлюсь на стихотворение Николая Гумилева «Выбор»:

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки
Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки.

Не спасешься от доли кровавой,
Что земным предназначила твердь.
Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

Как отмечает сам автор рецензируемой книги, это стихотворение, наряду со стихотворением «Жирав», также переведенном, входило в число любимых Василием Ивановичем Абаевым, который нередко читал их наизусть на своих занятиях. В этих стихах присутствует не только романтика дальних странствий, открытия неведомых стран и континентов, но и героики эпических походов, сближающая их по своему духу с осетинскими сказаниями о нартах, также проводившими все свое свободное время в походах за добычей — *балцах*, предполагавших

постоянный риск собственной жизнью. Название по-осетински звучит как «*Равзарыны бар*»:

Мáсыг амайæг расхъиудзæн зæхмæ,
Уайтагъд аныхъырджæн уый зындон,
Æмæ йе 'нæзонд митыл дæлдзæхæй,
Уый æнустæм кæндзæни фæсмон.

Мáсыг чи халы – дуртæн сæ быны
Цъист æрцаудзæн, быныæфт кæндзæн.
Стыр Хуыцау ыл кæй рахатти уымæ
Уый, йæ хъызæмар хъаргæ, кæсдзæн.

Хи сæр талынг лæгæты чи 'фснайы
Кæнæ хъамылджын доны былтыл,
Уый та бамбæлдзæн ссырджын ыстайы
Тугсалынгæнæг дзагъыр цæстыл.

Нæй ирвæзын æлгыстаг адзалай,
Уый лæджды фыртæн – æрвты «лæвар».
Фæлæ сабыр: æвæджиау бар дын —
Ды дæхæдæг дæ мæлæт æвзар!

Чеканный ритм стиха, богатство его образов, его сдержанность и простота формы при несомненной философской глубине его идейно-тематического содержания сближают его с лучшими традициями осетинской литературы и устного народного творчества, параллели с которым часто и вполне оправданно проводит и сам автор. Одно упоминание строительства башни находит убедительную опору в традиционном осетинском быту и устном народном творчестве, в поэзии Коста Хетагурова. Главное отличие от фольклорных текстов — психологизм, свобода воли, преодоление бессознательного коллективного начала, наделение каждого индивидуальной судьбой. Перевод названия стихотворения «*Равзарыны бар*» мне кажется слишком буквальным, на ум приходит, в качестве альтернативы — «*Барвæндæй*», хотя и несколько отклоняющееся от оригинала в плане морфологии. Здесь вместо существительного — наречие, образованное из *бар* 'воля, право' и *фæнд* 'желание' (буквально означающее «добровольно»), но вполне соответствующее требованию адекватности перевода и несущее на себя поэтическую печать. Относительно формы замечу, что в переводе сохранена перекрестная рифма типа АВАВ, тогда как характерный для оригинала стихотворный размер с ударением на третьем слоге стопы, именуемый анапе-

стом, строго не соблюден. Насколько оправдано такое отступление? Обсуждая переводы с русского языка, ограничусь этим примером.

Обращаясь к переводам с английского и немецкого, особо оговорю то, что, подобное сопоставление с оригиналом может оказать помощь и в изучении иностранного языка. Приведу в качестве примера перевод стихотворения американского поэта, классика англоязычной поэзии XIX века — Генри Лонгфелло «*The arrow and the song* / Стрела и песня». Начну с оригинала:

I shot an arrow into the air,
It fell to earth, I knew not where;
For so swiftly it flew, the sight
Could not follow it in its flight.

I breathed a song into the air,
It fell to earth, I knew not where;
For who has sight so keen and strong
That it can follow the flight of a song?

Long, long afterwards, in an oak
I found the arrow, still unbroke;
And the song, from beginning to end,
I found again in the heart of a friend.

Характерной особенностью этого стихотворения следует считать его удивительную простоту и ясность внутренней структуры, соотносимой с известным в устном народном творчестве ритмо-синтаксическим параллелизмом. Вместе с тем, оно обладает богатством образов и несомненной философской глубиной. В целом он ставит перед переводчиком непростую двуединую задачу, которая оказывается вполне ему по плечу. Судить читателю, в переводе «*Фат æмæ зарæг*»:

Уæлдæфмæ иу хатт мæ фат ыстаhti,
Фæлæ дын зæхмæ кæмдæр æрхауди.
Афтæ цырд таhti æмæ лæджы цæст
Фатæн йæ тахтыл иу уысм нæ фæхæст.

Уæлдæфмæ иу хатт мæ зард ыстаhti,
Фæлæ дын зæхмæ кæмдæр æрхауди.
Арæби, чи у ахæм цырddзаст та
Зарæджы цырд таht цæстæй чи 'рцахса?!

Къорд азты фæстæ мæ фат ыссардтон —
Тулдзы ныссагъди æмæ йæ сластон.
Мæ зарæг разынд – хуыздæр нæ ваййы! —
Мæ хорз хæларæн йæ хъарм зæрдæйы.

Перевод сохранил доверительную интонацию оригинала и его философскую оценку значимости в жизни человека дружбы, упоминание стрелы сначала указывает на лучника, воина, а затем, когда она сопоставляется с песней, задает тему вселенской необъятности мира, одиночества в нем человека, преодолеть которое может только тепло, идущее из сердца друга, верного и неколебимого как могучий дуб.

Несмотря на все достоинства разобранных примеров, наиболее оригинальной и ценной представляется последняя часть, посвященная переводам с древнеперсидского языка. которая призвана, насколько можно судить, восполнить отсутствие древних связных текстов скифского языка, к которому принято возводить осетинский. Замечу, что подобная практика, когда для изучения истории генетически родственных языков используется наиболее архаичный памятник одного из них, в целом, может считаться общепринятой. Достаточно сослаться на Готскую Библию, или Серебряный кодекс (Codex Argenteus), сделанный предположительно епископом Вульфиллой и датируемый VI в. н.э., используемый в качестве древнейшего развернутого письменного памятника при изучении всех германских языков, хотя он и относится к уже несуществующей восточногерманской группе. С этой точки зрения, обращение к древнеперсидским памятникам представляется вполне оправданным, а их перевод на осетинский язык можно считать актуальной исследовательской задачей.

Эта часть может по праву считаться своего рода вводным курсом в иранистику, своего рода пропедевтикой, подменяя в некотором смысле известные учебные пособия. Напомню, что Ахеменидская империя была основана Киром Великим, а ее возникновение принято связывать с завоеванием им Вавилона осенью 539 года до н.э. Крах же персидской империи связан с поражением от Александра Македонского в IV веке до н.э. Из двух памятников приведу второй, небольшой по объему, но дающий общее представление о стиле и содержании ахеменидских надписей. Большинство из них сделаны были клинописью и выбиты в скалах, параллельно с эламских и аккадских текстами, что облегчило их перевод, когда они были обнаружены. Расположение строк повторяет оригинальную композицию памятника. Сначала, как и в предыдущих случаях, привожу оригинал, содержащий 19 строк, в основе которого латинская транскрипция, с добавлением ряда дополнительных знаков, клинописного текста (двоеточия указывают

на границу между словами), имеющего обозначение XPd, указывающей на ее происхождение из столицы империи Персеполиса и приписываемой царю Ксерксу:

1. бага : vazraka : Auramazdā : hya : i
2. mām : būmim : adā : hya : avam
3. : asmānam : adā : hya : martiya
4. m : adā : hya : šiyātim : adā : mar
5. tiyahyā : hya : Xšayāršām : x
6. šāyaθiyam : akunauš : aivam : par
7. ūnām : xšāyaθiyam : aivam : parū
8. nām : framātāram : adam : Xšayārš
9. ā : xšāyaθiya : vazraka : xšāyaθiya :
10. xšāyaθiyānām : xšāyaθiya : dahy
11. ūnām : paruvzānām : xšāyaθiya :
12. : ahiyāyā : būmiyā : vazrakāyā
13. : dūriy : apiy : Dārayavahauš : xš
14. āyaθiyahya : puça : Haxāmanišiya :
15. θātiy : Xšayāršā : xšāyaθiya : va
16. zraka : vašnā : Auramazdāha : ima : had
17. iš : adam : akunavam : mām : Auramaz
18. dā : pātuv : hadā : багаibiš : utama
19. iy : xšaçam : utā : tyamaiy : kartam

Даже не владея древнеперсидским языком в совершенстве, чтение приведенного памятника не должно вызывать непреодолимых трудностей, поскольку предполагает однозначное соответствие буквы и звука. Приведу его перевод:

1. Стыр Хуыцау Аурамаздæ, а
2. цы зæхх чи сфæлдыста, уыцы арв чи
3. сфæлдыста, адамаджы чи
4. сфæлдыста, амонд чи сфæлдыста адæйма
5. гæн, Ксерксы паддзах чи скод
6. та, иуы бирæтæн
7. паддзахæй [чи сæвæрдта], иуы бирæтæн
8. хицау [чи скодта]. Æз, Ксеркс,
9. стыр паддзах, паддзахты
10. паддзах, алы адæмтæ [кæм цæры, уыцы]
11. бæстæты паддзах, стыр [æмæ]
12. дæрдтыл зылд чи у, уыцы

13. зæххы паддзах; паддзах Дари
14. йы фырт, Ахеменид.
15. Дзуры стыр паддзах Ксеркс:
16. Аурамаздæйы фæндонæй маенæ æз кæй
17. сарæзтон, [уыцы] галуан. Аурамазда иннæ
18. хуыцауттимæ иумæ маен хъахъхъанæд, стæй
19. ма паддзахад æмæ, цы[дæриддæр] сарæзтон, уый!

Хотя ахеменидские тексты и считаются прозаическими, определенный ритм в них все же присутствует, вырезанные в скальной породе слоги этих слов подобны барабанной дроби, четкой и полнозвучной, визуальной иллюстрацией которой может служить знак двоеточия, разделяющий слова надписей. Представляется, что в переводе удалось передать и этот ритм, и общую торжественность послания властелина великой империи потомкам. Неслучайно, характеризуя эти тексты, специалисты говорят об «имперской пропаганде», подразумевая тем самым, что они должны были быть понятны всем подданным новой империи, откуда, кстати, и параллельное использование трех ее основных языков. Это обстоятельство не могло не отразиться и в сфере культовой, в частности в трактовке образа Великого Бога Аурамазды. Для осетинского уха использование имени Бога – *Хуыцау / Хуцау* во множественном числе, даже при переводе, звучит двусмысленно и убедительно. В самой осетинской традиции, где последовательно проводится идея Единобожия, есть подобный случай, но он представлен в формуле «*Хуыцаутты Хуыцау / Бог Богов*», которая находит поддержку в другом однотипном выражении «*Хурты хур / Солнце солнц*» и не может трактоваться буквально, а, скорее, служит своеобразным способом выражения превосходной степени: вряд ли могут сомнения в том, что солнце на небосводе все-таки одно единственное. Поэтому более предпочтительным был бы перевод этой фразы на осетинский как «*зæдтæ æмæ дауджытæ / (небесные) духи и силы*», соответствующие «*амешаспента / бестелесным*» сущностям зороастризма.

Относительно древне-персидско-осетинского словаря, завершающего книгу, замечу, что он представляет собой полноценное лексикографическое исследование, в котором автор вновь демонстрирует не только высокую филологическую культуру, но и убедительно показывает то, насколько эффективно осетинский язык может быть использован при научном описании, подтверждая, уже не в первый раз, его метаязыковые возможности. При обращении к словарю, становится очевидна и потребность усиления его этимологической части, что стало бы дополнительным подспорьем для переводчика, интересующегося происхождением и семантикой осетинской

лексики. В целом, в результате знакомства с этой частью книги, складывается твердое убеждение, что значение древнеперсидских памятников для понимания истории осетинского языка, устного народного творчества и культуры еще только предстоит оценить в полной мере.

* * *

Вряд ли могут быть сомнения в том, что никакая книга, даже самая замечательная, и уж тем более рецензия на нее, не могут в корне изменить ситуацию в обществе. Но ожидания, что книга может поставить проблему в общественную повестку дня, раскрыть ее содержание и предложить пути ее решения, совершенно обоснованы. Зная деятельный характер Юрия Альбертовича и его привычку доводить все начатые дела до конца, предвижу, что эта книга может стать хорошим импульсом для продолжения никогда не прерывавшейся и имеющей давние и богатые традиции осетинской переводческой школы. Сама университетская площадка, выбранная им для публикации своего труда и апробации полученных им результатов, не только допускает, но с необходимостью предполагает возможность возобновления своего рода школы, где бы начинающие литераторы, студенты гуманитарных факультетов, да и не только, могли бы оттачивать свое мастерство перевода, обмениваясь опытом и идеями. Она может использоваться не только в учебном процессе, но и служить цели воспитания личности, давая читателю также и систему ценностных ориентиров. Главный итог книги заключается в утвердительном ответе на вопрос, вынесенный в ее подзаголовок: осетинской лексике доступны все те сферы, жанры и стили, которые были, в качестве эксперимента, исследованы автором, как современные, так и древние. Вместе с тем, только открытость миру позволяет сохраниться языку, проявить его потенциал и сделать его современным эпохе, а значит – востребованным в обществе.

Напоследок, памятуя о посвящении, которое предпослано книге, хочется пожелать автору, чтобы в ближайшие, по крайней мере, сто лет муза, называемая им по ее девичьей фамилии – *Уалион*, все так же вновь и вновь продолжала посещать его, вдохновляя на новые поэтические свершения, вселяя радость в сердца многочисленных почитателей его таланта.

Рукопись поступила в редакцию 22.08.2023

Рукопись принята к печати 25.09.2023

Салбиев Тамерлан Казбекович

Кандидат филологических наук, исполняющий обязанности руководителя научно-исследовательского отдела «Центр скифо-аланских исследований» ВНИЦ РАН. 363110, РСО-Алания, с. Михайловское, улица Вильямса, 1.

E-mail: galabu@rambler.ru

Salbiev, Tamerlan Kazbekovich

PhD, acting head of the research department "Center for Scytho-Alanic Studies" of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 363110, North Ossetia-Alania, Mikhailovskoe village, Williams St., 1.

E-mail: galabu@rambler.ru;

<https://orcid.org/0000-0002-8526-1984>

Tamerlan K. Salbiev

Center for Scytho-Alanic Studies

VSC RAS

Vladikavkaz, Russia

Review of the book Dzitsoity Yuri. Rules for translation into Ossetian language (vocabulary issues). Tskhinval: South Ossetian State University, 2022. – 85 p.

The review is devoted to a new book by the famous Ossetian scholar Yu.A. Dzitsoity, which represents methodological study intended for the course of translation theory, taught by him at South Ossetian State University after A. Tibilov. As a preface, the book contains a brief outline of the history of translation school of South Ossetia. The book is based on translations into the Ossetian language, made by the author himself, accompanied by his short introductions and comments. Devoted mainly to issues from the field of lexicology, it summarizes the principles and basic patterns of literary translation of textbook monuments of poetry of Russian and Soviet literature, works in German and English. Special mention should be made of the translations of several Old Persian inscriptions, also attributed by the author to poetic monuments, and his proposed analysis of the vocabulary present in them, summarized in a small dictionary. The review contains both an overview of the book and indications of its strong points, as well as suggestions for its further development.

K e y w o r d s: theory and practice of translation, principles and patterns, lexicology, Ossetian language, Russian and Soviet poetry, English poetry, German poetry, Old Persian inscriptions, Old Persian dictionary.

Received on 22.08.2023

Accepted on 25.09.2023